

Наша анкета

СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

1. В последнее время крупные писатели все чаще уходят в романисты, и рассказ становится как бы «непрестижным», «ученическим» жанром. В свою очередь и критика явно отдает предпочтение крупным произведениям и если обращает внимание на рассказы, то, как правило, молодых авторов.

ПОЧЕМУ ТАК ПРОИСХОДИТ? ЧЕМ ЭТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЫЗВАНО?

2. Заметна тенденция к удлинению рассказа, и зачастую трудно отличить разросшуюся новеллу от короткой повести. В то же время и многие современные повести представляются растянутым «сюжетом для небольшого рассказа». Создается впечатление, что происходит размывание границ этих жанров.

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ ЭТОМ? В ЧЕМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОТЛИЧИЕ МЕЖДУ ПОВЕСТЬЮ И РАССКАЗОМ?

3. МНОГО ЛИ РАССКАЗОВ ЗАПОМНИЛОСЬ ВАМ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ? КАКИЕ И ПОЧЕМУ?

4. Новеллистика всегда была в нашей прозе жанром-первопроходцем, обнаруживающим новые темы, новые художественные формы. Но для этого автор, вынужденный на малой площадке проявить и мастерство, и знание, должен обладать и умением, и богатым жизненным опытом.

СКОЛЬ РАЗНООБРАЗНА ТЕМАТИЧЕСКАЯ И ЖАНРОВАЯ ПАЛИТРА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА?

5. Помимо «внутрижанровых», очевидно, есть и чисто внешние проблемы — издательские, технические, производственные, эконоимические (гонорар) и т. д., влияющие на развитие рассказа.

ЧТО, ПО ВАШЕМУ, МЕШАЕТ НОВЕЛЛИСТИКЕ И КАК МОЖНО УСТРАНИТЬ ЭТИ ПОМЕХИ?

Сегодня в нашей анкете (см. №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 1980) выступает писатель Виктор Астафьев.

Виктор АСТАФЬЕВ

НЕ В ЖАНРЕ

К именам отошедших от рассказа писателей, названных Ю. Нагибиным, я могу добавить еще несколько, но зато в это же время появились и новые авторы: Петр Краснов, Иван Уханов, Василий Юровских, Владимир Карпов, Михаил Голубков из Перми, Александр Филиппович и Левиан Чумичев из Свердловска, Николай Волокитин из Красноярска, Вадим Макшеев из Томска и другие. Так что рассказчики у нас есть, а вот внимания к этому жанру и впрямь маловато.

Не знаю, виновата ли тут критика, у работающих в ней тоже хлеб нелегкий, но, очевидно, нужно писать о рассказе и самим рассказчикам, прямо по горячим следам. Когда появились «Литературной России» «Двухголовый» Юрия Сбитнева, я хотел написать о нем, не называя это рецензией — назवेशь рецензией, все погибло! — а просто дать какой-то человеческий, товарищеский отклик. Но запутался с делами, с текучкой и не написал. И когда появился «Остров любви» Ю. Нагибина, и когда «Фригийские васильки» Г. Семенова, и «Впервые замужем» П. Нилина, хотелось хоть как-то добрым словом упомянуть эти рассказы, да где там — заела текучка и какая-то наша всеобщая инертность, прямо сказать, лень. Вот и возникают разговоры и о «непрестижности» жанра рассказа, и оттирании новеллистов на задворки. Тот же Георгий Семенов, на мой взгляд, давно заслужил литературную премию, и напиши он на уровне своих рассказов роман, да поактуальнее, давно бы ему премию дали...

Почему же все-таки сейчас у писателей наметилась особая склонность к повести? Места больше, возможностей больше. И кроме того, я считаю, что в нашей литературе повесть больше освоена, чем рассказ, в ней созданы каноны и образцы, причем каноны и образцы очень высокие. От них зачастую и хотел бы как то отделиться, да не сумеешь. Всегда, когда литература русская поднималась до каких-то очень значительных рубежей, она создавала повести, причем повести короткие. Мы как-то не очень помним о том, что «Дубровский» — произведение объемом всего около семи листов, «Капитанская дочка» — по-моему, образец повести — тоже в этих пределах, и даже такой известнейший роман, как «Отцы и дети», — тоже всего около десяти листов. Да и вообще у Тургенева, например, самая большая вещь не превышает пятнадцати листов. Это я говорю для того, чтоб напомнить многим нашим современным романистам, что воду из рукописи надо бы отжимать. У нас же зачастую в огромном количестве воды плавают какая-то еле заметная жи-

винка, блестя, и ради этого заваривается целая солидная уха...

Не в том беда, что рассказ в повесть переходит и наоборот, — в русской литературе издавна так было. Беда в другом. Мне приходится читать очень много рукописей, особенно молодых авторов. Читал, готовясь к VII Всесоюзному совещанию молодых писателей, и как член редколлегий журнала и издательства, и самотеком поступают рукописи — одну отправлю, две приходят. Из сотен прочитанных рассказов уже можно составить довольно определенное мнение: страшна не тенденция ухода рассказа в повесть, а то, что от него уходят к полурассказу, к так называемому этюду. Вот здесь-то как раз и происходит размывание границ жанра. Большинство из таких рассказчиков кончают там, где рассказ только начинается. И написано-то, в общем, профессионально, но плохо то, что написано одинаково у всех.

Биография у большинства авторов нахватанная: все они были то рыбаками, то геологами, и в бичах побывали — бродили, в общем, и сейчас бродят, а если не бродят, то мечтают об этом. Хочется им этакими вольными, независимыми, свободными от обывательщины романтиками вообразить себя. А кому не хочется и не хотелось этого в юности? Но, как говорится, рад бы в рай, да грехи не пускают, и есть-пить надо, и служить, и семью кормить. Правда, сейчас есть категория молодых, да ранних писателей, которые предпочитают, чтобы их кормили жены. И так к иждивенчеству привыкают, что и писать уж бросят, а все в «одаренных» нахлебниках сидят и еще обижаются, если жена устанет и стяхнет «гения» со своего трудового хребта. Вот эти-то чаще всего для утешения жены-кормилицы и успокоения раздраженного общественного мнения и пробавляются этюдами: они-то, ленивые, куражливые, и осаждают своей полулитературой печатные органы и убеленных сединами писателей, отрывают их от дела, жалуются на издательства... И все то перед ними в долг, все то виноваты, вплоть до жены-кормилицы, которая не понимает «гения» и вообще «неодотгивает» во всех отношениях.

Ну, ладно, пишут мало, не рьяливо и небрежно, да ведь и читают плохо, иначе бы не побторяли давно до них написанного.

Автор, посылающий свою рукопись писателю на дом, думает, один он такой «находчивый», а того не знает и знать не хочет, что у меня на столе еще две совершенно похожие на его лежат рукописи, требующие ответа, и что месяцами, а то и годами руки не доходят до своей работы. Пишешь ответы и

боишься авторов перепутать, потому что у них опять же одинаковые, написанные мимоходом этюды. Чаще всего создают каких-то чудачков, у которых различаются только имена (дядя Леха или дядя Вася), они сдают бутылки, или продают мешок картошки, или воруют мелкие запчасти, чтоб продать их и опять же выпить или опохмелиться. Это, в общем, те же бродяги, или, по-современному, бичи. Так вот, эти «дяди Лехи», «дяди Васи» похожи как две капли воды, у них одинаковые портреты, говорят они одинаковым языком, анемичные какие-то, а вместе с ними анемичен и сам автор. Он как бы и сам растворен в массе таких героев, и трудно уловить его собственный голос. А если голоса автора не слышно, если нет у него своего «тона», если по письму невозможно понять его характер — ну, тогда он, значит, просто взялся не за свое дело и ему лучше идти в геологи или рыбаки и не мучать понапрасну бумагу этюдами, в которых бродят патлатые мальчики, девочки с тонкими талиями, где пьют экзотические напитки, сырмом типа «рокфор» или «камамбер» закусывают... Многие молодые авторы яростно разоблачают мещанство, «малогабаритный рай», — и тут же поступают, как самые настоящие мещане, любующиеся всем этим. Нет у них чувства неприязни к приспособленчеству и нет сострадания к человеку. То есть сами-то живут вроде бы бедно, мотаются по баракам, по всяким зимовкам, по лесам, и в Москве часто неприкаянно шатаются, — но в душе какое-то чувство снобизма, сострадания к человеку нет, а презрения уже много. А литература, наша отечественная особенно, всегда была как раз тем и велика, что жила сначала сострадаем, а потом уж презрением. Взять того же Достоевского: я не помню у него таких героев, которым бы он не сострадал. Есть персонажи, к которым он относится с явным презрением, но никогда — с высокомерием.

Начинающие писатели, бывает, гордятся тем, что не смотрят телевизор, не читают газет, журналов, вообще современной литературы. А ведь чтение — это постоянный образ жизни литератора; может быть, писать каждый день ему не обязательно, но читать он должен так же, как, скажем, дроворуб должен каждый день водить пилой и махать топором. Не читаешь — господь с тобой, меня, например, это нисколько не удручает. Чем меньше таких читателей, тем лучше. Но для того чтоб кого-то или что-то презирать — в частности, современный телевизор, современные кино, театр, литературу, — их надо просто знать. И если уж возненавидеть, то предметно, конкретно. Я, например, ненавижу вой-

ну, и, как это ни тяжело, снова и снова возвращаюсь к памяти о ней, изучаю, ищу документы, чтоб еще более и более проникнуться ненавистью. Или вот я презираю блатных — так я побывал среди них в детстве, они мне опротивели, но я знаю их лексикой, жаргон, песни, просто по походке узнаю... Нужно знать, о чем пишешь. Вот в одной из присланных мне рукописей «летали маленькая чайки и большая чайки» Маленькая чайка называется, извините, «крячка». Ну, не знаешь птицу, так загляни, ей-богу, в справочник, в энциклопедию, наконец!

Удручает чувство лени и облегченного подхода к литературе, угнетает стремление скорей-скорей как-нибудь чего-нибудь написать и мигом напечатать.

А между тем рассказ (идеальным объемом его я считаю лист-полтора) — это своего рода маленький роман, и надо стремиться сказать в нем столько, сколько в романе. И писать так же тщательно, то есть сделать начало, запев, потом развить действие, вычеканить все это, обрисовать характеры, дать музыку, интонации, завершить события. Обязательно в рассказе должно быть завершено событие! Говорят, что хороши рассказы без конца или с так называемым «открытым концом». Некоторые это поняли буквально. Ничего подобного. У русского рассказа всегда есть конец, история всегда завершена. Я не имею в виду конец такой, как у нас в кино: раз влюбились, так в конце женились (сейчас, правда, более модным стало — развелись) Я говорю о конце логическом, то есть о завершенности той мысли, которую автор хочет доказать. Если же он не смог этого добиться, не подчинил себе читателя, не заставил его вообразить себе то, о чем написал, — то это незаконченная вещь. Если в романе, в большой повести можно все завалить словесами, картинками, событиями, порой невероятными, то в рассказе-то нет места для пустых красивостей, тут каждая строка должна быть богатой, насыщенной. В рассказе каждый абзац и каждая строка должны быть отдельным произведением, и особенно начальными и конечными строки.

И все чувства, и тональность должны быть заявлены сразу, а уж потом действие, потом дама и собачка... Но прежде всего — чувство. Почему та же «Дама с собачкой» — уж такой, казалось бы, банальный сюжет — все таки так трогает? Потому что найдена точная тональность тоски по любви вечной, пусть грешной, но человеческой — ведь нас не в капусте находят...

Но тем не менее, когда козыряют большими именами, я думаю о том, что в советской литературе есть мастера, нисколько